

Николай Успенский

Федор Петрович

Николай Васильевич Успенский

Федор Петрович

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2149655

Н.В. Успенский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Федор Петрович держал хорошую водку, ездил каждое воскресенье в церковь, где с необыкновенным приличием пел басом, бывал на каждой годовой ярмарке в соседних городах, торговал лошадьми и считался, по справедливости, одним из первых знатоков по этой части, поздравлял в высокаторжественные дни богатых помещиков, которые без закуски его не отпускали, и всегда ездил на отличной лошади, которую, однако, готов был продать кому угодно...»

Содержание

I	4
II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18
Комментарии	

Николай Васильевич Успенский Федор Петрович

I

На большой дороге, уже забытой извозчиками, стоит кабак, история которого теряется в отдаленной древности, так что старики лет девяносто от роду помнят этот кабак и в своих рассказах о старине нередко упоминают об нем, как о притоне чуть не денного разбоя. Все на том же месте стоит он, как и прежде: та же колдобина перед ним, в которой в осеннюю пору купались извозчики, а теперь купаются случайные проезжие; та же ветла, когда-то зеленевшая, а теперь издающая своими голыми сучьями, пронизываемыми ветром, грустное завывание.

Дорога, по причине проложенного верстах в десяти шоссе, совсем забыта. Только летом иногда пройдут по ней богомольцы или хохлацкие гурты, обозначая свой путь сгоревшим и кострами и ямами для котлов; но давно уже нет длинных обозов, с гигантскими, клейменными кулями, с бочками и хмельными извозчиками, рогожами, крупчаткой, кожей. Забыты глубокие овраги, в которых прежде, в дождливое

время, совершались народные драмы, задыхались и умирали лошади при отчаянных криках извозчиков, лежали опрокинутые возы, сломанные телеги и вдруг наступала бесконечная, осенняя ночь. Запустели эти овраги, как отмененные эшафоты, и разгуливают по ним теперь волки и лисицы; вороны и коршуны молчаливо сидят над ними, ожидая появления быстрого зайца. Уцелел только от прежних времен ветхий мостик над водомоиной, под которым прежде, в ночную пору, посиживали незнакомцы с дубинами.

Лет пять тому назад в упомянутом кабаке жил сиделец Федор Петрович, мещанин высокого роста, с черными глазами, лет тридцати пяти. Этот человек совмещал в себе качества, требуемые положением сидельца, качества – необходимые для того, чтобы вернее наживать деньги. Вежливость, аккуратность, всегдашняя трезвость и знание людей, изнанку которых Федор Петрович имел возможность рассматривать в своем кабаке, были основными чертами его характера. Это был тип, какой только может выработать наша народная жизнь с ее коловратностями, отсутствием уверенности, что завтра покрытый соломою дом не сгорит, не явится становой, как молния с небес, что не выдаст и не надует родной брат. Федору Петровичу, как характеру и как явлению, может соответствовать озимовый злак, претерпевший поправание скотины, пасшейся на нем, и превратившийся в высокую рожь. Совершенством своего приспособления к жизни Федор Петрович мог поразить даже любого зоолога.

Федор Петрович держал хорошую водку, ездил каждое воскресенье в церковь, где с необыкновенным приличием пел басом, бывал на каждой годовой ярмарке в соседних городах, торговал лошадьми и считался, по справедливости, одним из первых знатоков по этой части, поздравлял в высокопраздничные дни богатых помещиков, которые без закуски его не отпускали, и всегда ездил на отличной лошади, которую, однако, готов был продать кому угодно.

Так как посещали *кабак* лица разных сословий, то Федор Петрович с каждым из своих гостей обходился сообразно его званию и даже привычкам. С мужиками он говорил обыкновенно покровительственным тоном, делал иногда краткие наставления, а если они, подвыпивши, сочиняли драку, то он выталкивал их без церемонии в шею. Мужику, особенно привязавшемуся к кабаку, целовальничиха давала крендель с передачей его детям. Какому-нибудь старшине, как начальнику разных сходок, Федор Петрович подавал руку, непременно предлагал папиросу и угощал «красненьким»... С лакеями и духовными он обходился приветливо и всегда потчевал их до отвалу, зная, что эти люди помешаны на угощении, да и пригодятся со временем, так как они играют в деревнях роль журналистики и от них зависит возвысить человека в общественном мнении или опозорить. Перед баринном Федор Петрович не гнул, но был вежлив и, развязно откупоривая бутылку хересу, спрашивал: здорова ли барыня и как псарня, если такая была у помещика. С прасолом

целовальник вел себя сухо, но всегда запросто, ибо чувствовал, что если сам он в некотором смысле – коса, то прасол наверное камень, также и наоборот; во всяком случае, для прасола стоял хороший стакан водки на стойке.

– Что гнедой-то?.. – спрашивал целовальник.

– Не подходит статья... давал билет с столбиками...

– Спехову надо всучить... она ему пойдет в корень... А бурый?

– Сивогривому благовестил... пять красеньких... на ноги села!

– Надо сбалабошить саранчу-то Ямовскому... тут барин из Питера приехал.

– Слышу!.. А Сенька-то что же?

– Ну, вон! очнись! Уж он своих в Елец погнал...

Если в кабак приезжал лакей или духовное лицо, то на стойке являлся графин с травником и крендели. Хозяйка, угощая гостя, говорила:

– Нуте-ко... пожалуйста... закусите... на дорожку... посошок!

– Душевный человек!.. – твердил потом пьяный гость, лежа в своей телеге, стучавшей по большой дороге.

Мужики, лишь только выпивали по стакану, начинали хвалить целовальника.

– У нас много было кабатчиков, Федор Петрович, а чтобы как ты, не было и не будет. Вот тебе образ!

На эти похвалы Федор Петрович не обращал никакого

внимания и, стоя за стойкой с золотой цепочкой на жилете, постукивал костяшками на счетах и вполголоса говорил жене:

– Ивану-то Михалычу отпустили?

– Отпустили! – отвечала жена, расставляя на полке какой-нибудь ратафий^[1], причем ярко сверкали ее продолговатые серьги, мотаясь в разные стороны.

Когда мужики начинали между собой ссориться, в это время Федор Петрович выходил из-за стойки и говорил:

– Вот что, ребята! пить – пейте сколько душе угодно, и кричите, и песни пойте, а ругаться дурными словами тут нельзя. Здесь место казенное, государственное, зачем-нибудь орел-то прибивается к кабаку: вы неграмотные, так подите сюда, я вам прочитаю...

Федор Петрович подводил мужиков к печатному листу, висевшему на стене, и читал:

– Братие! почто убо?.. и т. д.

– Федор Петрович! приятель! ты нас разбьяри! разя мы не чувствуем? Мы тебе, к примеру, задолжали и завсегда просим покорно...

– Про долг, – отвечал хозяин, – я вам ничего не говорю! Я поверю вам на сколько угодно; ну, а ругаться здесь нельзя... Слышишь, что святые люди приказывают... Зачем безобразничать?.. у меня жена, подумай ты это!..

– Вишь, Митрей, что он говорит-то?

– Пойдем, шатлый! Зачем обижать хозяина? Выпили, и

слава богу! Федор Петрович! песню, ты говоришь, можно? Родной!

Для барина, заезжавшего в кабак с охоты, доставалась бутылка хересу.

– Чайку не прикажете ли?

– Благодарю! до дому недалеко.

– Ну, как охотка? удачна ли?

– Представьте себе: волка выгнали... в Зарытом верху... глядь: катит! бросили борзых... люлю!.. он в лес – и поминай как звали! однако пробылой!..

– Хереску пожалуйста! так и ушел?

– Ничего нельзя было сделать... я ведь охотился на своей гречихе... она, знаете ли, только всходит... как люлюкнули! уж борзые приняли было в добор! ушел, каторжный.

– А то прикажите самоварчик?

– Нет, не надо!

– Ну, что, Петр Петрович, нет ли чего-нибудь новенького в газетах? – спрашивал целовальник.

– Ничего не читаю.

Верстах в четырех от кабака, на проселочной дороге, стояло село Ямовка, состоявшее по крайней мере из трехсот мужицких дворов. В этом селе установлены были целые четыре праздника в году в честь разных угодников, поэтому четыре раза в год к кабаку Федора Петровича устремлялись многочисленные ватаги мужиков с жбанами, сулейками и ведерными бочонками, кроме разных побочных случаев, например

свадеб, крестин, похорон, вызывавших подобные же приливы доходов в кабак. Неизбежным следствием такого рода отношений, с давних времен существовавших между кабаком и ямовскими жителями, было то, что вся Ямовка запуталась в долгах у Федора Петровича, как муха в сетях паука, так что стоило только целовальнику появиться на дворе должника, чтобы обрататать любую скотину. Но к чести Федора Петровича надо сказать, что к таким безбожным мерам он никогда не прибегал, на что, впрочем, он, как опытный паук, имел свои резоны! У Федора Петровича были такие соображения: хотя кабак приносил и хороший доход, несмотря на то, он был решительно не на месте. Находишься он в самой Ямовке, покупателей было бы несравненно больше, так как в Ямовку каждое воскресенье ездило к обедне несколько посторонних деревень, да и сама Ямовка потребляла бы водки не в пример больше прежнего, к чему могла располагать самая близость кабака. Кроме того, собирать с мужиков долги было бы удобнее: тогда от целовальника не ускользнул бы ни один должник; между тем как теперь, пользуясь расстоянием, отделявшим село от кабака, ямовский мужик сторонкой отвозил хлеб в город, получал за него деньги и втихомолку тратил их на свои нужды, отсрочив платеж целовальнику на неопределенное время. Будь кабак в Ямовке, этого не могло бы случиться: тогда насыпал ли мужик воз ржи, даже просто оделся ли в полушубок, Федор Петрович как раз с вопросом: «Куда собрался, Иван?» Словом, жертва была бы у

самого рта. Таким образом, единственной, заветной мечтой Федора Петровича было – перенести кабак в Ямовку. Но пока сделать этого было нельзя: все зависело от ямовского барина, который жил постоянно в Москве; крестьянский сход мог дать *местечко* для кабака и на своей земле, но опять не иначе, как с согласия и даже разрешения барина. Так Федор Петрович и сидел в поле, разделенный от своей возлюбленной Ямовки целыми четырьмя верстами, на протяжении которых можно было ловить добычу одними щупальцами.

В один весенний день разнеслась весть, что из Москвы приехал в Ямовку в качестве управляющего какой-то богатый барин, друг и приятель самого владельца. Федор Петрович приободрился. Он увидел, что от нового управляющего зависит вся его судьба, и стал думать, как ему начать действовать? Но прежде всего целовальник счел за лучшее не торопиться, зная по опыту, что чем дело важнее, тем более оно требует хладнокровия и спокойного обсуждения. Федор Петрович на первом плане решил сблизиться с прислугой нового барина, что и начал приводить в исполнение.

Однажды летним вечером целовальник сидел с своей женой за самоваром. К кабаку подъехали беговые дрожки. Хозяйка бросилась к окну и заговорила:

– Кучер ямовского барина! Федя! Федя!

– Предложи ему чаю да достань ратафии, – сказал целовальник, застегивая жилет.

В кабак вошел в красной рубахе и плисовой поддевке ку-

чер с бочонком под мышкой.

– Федору Петровичу всенижайшее почтение!

– Все ли в добром здоровье? Пожалуйте-ка чайку попить.

– Можно.

Хозяйка очутилась перед гостем с подносом.

– Желудочная? – спросил кучер, выворачивая белки глаз на хозяина.

– Французская ратафия, попробуйте!

– Штука ничего! в Питирбурхи мы больше косили тминную, херес, мадеру, что попало!

– Садитесь. Ну, как ваш барин?

– Что ж ему? Все ломает да коверкает. Деньжищев пропасть! анжирею затеял; прачешную строит, садовника из Питера выписал – деньги вольные!

– Нуте-ко другую, – сказала хозяйка, поднося кучеру ратафии.

– Как его бишь зовут, барина-то?

– Захар Ильич... прозывается Абалонов.

– Что ж, за водкой приехал?

– За водкой. Просил очищенной что ни есть.

– Видно, самому?

– Да у него для всех одна!

– Я слышал, барин добрый, – говорил целовальник, – и образованный человек.

– Человек, надо сказать, так: по книжной части это первая его страсть! Теперь нарочно из Питирбурха выписыва-

ет разные журналы, газеты... без книг ни одного дня не может прожить. Как сейчас встал, прямо: «Васька! газету...» И, должно, эти книги, Федор Петрович, человека, как сказать, одурают: что вот теперь, я полагаю, водка для нашего брата, то для господ – книга. Потому она что-нибудь это в разуме у них... там... погляжу я на своего барина: ровно рехнулся... увидал у Селезенкина помещика винный завод – «а! говорит, то-то мне и нужно! Надо, говорит, себе соорудить!» То же рысистых лошадей хочет заводить. Ну, известно, барин, надо говорить по правде, душевный и простой.

– Пожалуйте водочки, – потчевала хозяйка.

– Человек вежливый! – разламывая крендель, продолжал кучер, – благородный, значит, потому образованный человек, не так, как теперь здешние помещики – всё норовят дело не дело обляять нашего брата; ну, а этот малого ребенка не обидит, и опять же ихняя супруга только и знает что по-французски жарит; верно говорю вам.

– Ну, что же, господа-то часто ездят к нему?

– Нет, спервоначалу повалили было, а тут что-то и оселись... Однако бывают; да наш барин, я вам докладываю, чудной: он теперь любит с плотником балами заняться, с столярком или с простым мужиком. А господ он мало привечает и сам у них редко бывает. Ездит иногда вот к Селезенкину, к Орлову, еще в город когда... А барыня, та любит в городское собрание ездить, офицеры к ней приезжают.

– Прошу покорно, – потчевала хозяйка.

– Ну, что ж, все больше чтением, вы говорите, занимается барин-то?

– Чтением! – Кучер, выпив водки, отплюнулся. – Чтением... как есть беда!

– Папиросок не угодно ли? – Ах, вот это чудесно! Наконец, кучер собрался ехать.

– К нам, Федор Петрович, просим покорно во всякое время, с хозяйюшкой.

– А что, вашему барину не нужно будет рабочих лошадей?

– Аи есть?

– Есть...

– Волоките! Страсть нуждается... да ему что ни покажете, сейчас купит: как есть махонький ребенок.

Кучер сел на дрожки, крикнул: «Эй, поджарая!..» – и скрылся в облаке пыли.

Новый ямовский управляющий, Захар Ильич, был отставной офицер, но офицер цивилизованный, с московским лоском, московскими взглядами и обычаями, с ярким стремлением произвести коренную реформу в имении. Он был приятель самому хозяину имения, никогда не бывавшему в Ямовке, и свои приятельские отношения к нему ознаменовал тем, что женился на его любовнице, очень пышной и дородной московской институтке, которую привез с собою в Ямовку. Захар Ильич, имея полную доверенность от владельца, начал распорядиться имением, как своим собственным; деньгами снабдил его тот же владелец, навязав-

ший ему свою возлюбленную, от которой не знал, как отделаться. Пользуясь своими свежими силами, Захар Ильич начал с того, что сломал все риги, конюшни, хлебные амбары, даже самый дом, и принялся все строить снова. Поднялись размежевки с мужиками, явились каменные стены и красивые изгороди. Весь этот содом ошеломил окрестных помещиков, которые один за другим спешили познакомиться с Захаром Ильичом, как с человеком, видимо, богатым. Как образованный москвич, Захар Ильич считал своей насущной потребностью следить и за текущими событиями в отечестве, поэтому выписывал в Ямовку все газеты и журналы.

Целовальник Федор Петрович смекнул, что вблизи от него появилась лакомая добыча, стоившая целых двух Ямовок, – и крепко задумался.

II

Был погожий летний вечер. На балконе вновь выстроенного дома сидел за стаканом чаю Захар Ильич. У ступенек лестницы стоял мужик без шапки. Барин курил гаванскую сигару и громко толковал мужику:

– Не могу, друг мой! Ты очень хорошо знаешь, что теперь эмансипация, воля! другими словами, общая равноправность! ты со мной можешь поступить точно так же, как и я... Зайдет моя скотина к тебе на огород, бери ее, назначай и с меня штраф; в этом-то и заключается гарантия неприкосновенности имущества каждого из нас, в этом-то и весь прогресс!

Захар Ильич отхлебнул глоток чаю и откинулся на спинку кресел.

– Захар Ильич...

– Не могу!

– Простите!

– В чем тут простить? заплати штраф и ступай с богом! Правда, я человек добрый, это все узнали, но я не хочу делать поблажки никому, потому что всякого рода уступка ведет к беспорядку: мы, как граждане и просто как соседи, непременно должны стараться заставлять друг друга исполнять свои обязанности, иначе произойдет столкновение, путаница... Ты видел, какие ограды я выстроил? Сделай и ты

то же самое! Я знаю, первый ваш враг – это лень. Прежде, во времена крепостного состояния, вы еще могли лениться и делать все из-под палки, зная, что в случае нужды помещик вас выручит; но теперь настало такое время, когда выручать вас более некому, когда вы предоставлены самим только себе, когда нельзя более жить спустя рукава! Вот то-то и хорошо! каждый из нас неминуемо должен сделаться гражданином в самом обширном смысле слова.

– Простите, Захар Ильич! – Не могу, друг мой!

Захар Ильич держал в зубах сигару и смотрел в сторону.

Вошла барыня Анна Григорьевна с целой толпой маленьких собачонок.

– Какой чудный вечер!.. и какая скука!

– Не знаю; мне не скучно, *ma chere!*¹

– Тебя вечно занимают разные пустяки – счастливый характер! а я не могу, как ты, целый час толковать с мужиком об эмансипации...

– Но надо же рано или поздно развивать этот народ, надо же внушать ему, что чужая собственность священна и потому ограждена законами и что...

---

¹ Моя дорогая (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Ратафия – пряная водка, ликер.